

Михаил Венюков

**Воспоминания о заселении
Амура в 1857-
1858 годах**

Михаил Венюков

**Воспоминания о заселении
Амура в 1857-1858 годах**

«Public Domain»

1879

Венюков М. И.

Воспоминания о заселении Амура в 1857-1858 годах /
М. И. Венюков — «Public Domain», 1879

«23 апреля 1857 года, после тягостной дороги в 5100 верст то в санях, то в перекладной телеге, то даже пешком, во избежание разрушительных толчков от удара колес по мерзлому, ледяному черепу, я, наконец, добрался до Иркутска. День был табельный – именины императрицы Александры Федоровны, и потому я думал было сначала не являться властям; но, чтобы не скучать, надел мундир и в то же утро представился ближайшим своим начальникам по штабу...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Иванович Венюков

Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 годах

I

23 апреля 1857 года, после тягостной дороги в 5100 верст то в санях, то в перекладной телеге, то даже пешком, во избежание разрушительных толчков от удара колес по мерзлому, ледяному черепу, я, наконец, добрался до Иркутска¹. День был табельный – именины императрицы Александры Федоровны, и потому я думал было сначала не являться властям; но, чтобы не скучать, надел мундир и в то же утро представился ближайшим своим начальникам по штабу. Нимало не откладывая, то есть в тот же табельный день, мне поручили поспешить составлением карты Маньчжурии и Восточной Монголии в масштабе 50 верст в дюйме и при этом потребовали, чтобы карта была готова в двух экземплярах не далее, как через три недели, к предполагавшемуся отъезду генерал-губернатора Н. Н. Муравьева² на Амур и посланника графа Е. В. Путятина³ в Китай. Работа была нелегкая, требовавшая занятий от 12 до 14 часов в сутки, и совершенно неисполнимая, если бы в Иркутске не было партии отличных топографов, обязанных своим техническим образованием А. И. Заборинскому и Г. А. Щечилину. Мы, в числе девяти человек, присели и дело сделали. Я составил сеть, расставил астрономические пункты, начертил главные контуры; топографы перечерчивали их набело, вносили мелочи, отмывали кисточкой горы с данных оригиналов и делали подписи, придерживаясь сделанной мною транскрипции французских подписей д'Анвиля и Клапрота⁴. Любопытно, что в Иркутске в это время не было ни одного синолога, которому бы можно было поручить исправление орфографии этих подписей, несколько испорченных на французском языке. Что было можно, мы поправили сами, на основании сочинений Иоакимфа⁵, хотя знали, что и его транскрипция оспаривалась некоторыми европейскими ориенталистами.

¹ Иркутск в те годы представлял административный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока.

² Муравьев Н. Н., позднее Муравьев-Амурский (1809–1881), – генерал-губернатор Восточной Сибири, один из главных инициаторов воссоединения Приамурья с Россией и заселения края русскими переселенцами. «Человек с государственным смыслом», – по отзыву Герцена, – Муравьев-Амурский «безо всякого сравнения, умнее, образованнее и честнее кабинета (министров. – А. С.) совокупно». Отмечая эти качества, Герцен одновременно разоблачал деспотические замашки восточно-сибирского генерал-губернатора и дал ему меткую характеристику: «демократ и татарин, либерал и деспот». Демократические высказывания, связи Муравьева-Амурского с декабристами, отбывавшими ссылку в Восточной Сибири, не прошли ему даром. По настоянию царской охраны – Третьего отделения – он был в 1861 году снят с генерал-губернаторского поста и закончил жизнь в добровольной эмиграции.

³ Путятин Е. В. (1803–1883) – адмирал, дипломат. В качестве представителя России в 1855 году заключил трактат с Японией. В 1857 году направлялся для дипломатических переговоров с китайским правительством. После неудачных попыток проникнуть в Пекин сухопутным путем отправился морем через Шанхай. С 1861 года был назначен министром народного просвещения и пытался репрессиями подавить студенческое движение, но вскоре под давлением демонстраций учащейся молодежи был смещен со своего поста.

⁴ Д'Анвиль Ж. Б. (1697–1789) и Клапрот – западноевропейские географы и картографы, использовавшие китайские источники для составления карт Маньчжурии и Китая.

⁵ Иоакимф (Н. Я. Бичурин) (1777–1853) знаменитый русский китаевед, в 1805–1822 годах был начальником русской духовной миссии в Пекине. Будучи прекрасным знатоком китайского языка, литературы, истории, социального строя, оставил после себя многочисленные сочинения, в которых впервые в мировой науке дал правильное представление о великом китайском народе. Его работы нанесли удар по западноевропейскому китаеведению, третиравшему китайский народ как «неполноценный». За атеистические взгляды подвергался гонениям со стороны церковных властей.

В начале мая вернулся в Иркутск Н. Н. Муравьев, бывший до того времени в Кяхте⁶ для устройства отъезда графа Путятина в Китай. Предполагалось, что посол поедет в Пекин через Монголию и, в то время как генерал-губернатор лично займется фактическим занятием Амура, устроит дипломатическое его присоединение. Но в Иркутске успеху последней миссии не верили.

Графу Путятину было трудно добиться переезда через Монголию на таких условиях, которые бы соответствовали его сану и обеспечивали ему блестящий прием и успех самого дела в Пекине⁷. При возвращении Н. Н. Муравьева в Иркутск мы узнали, что посол вовсе должен был отказаться от сухопутной поездки в столицу Срединного царства, потому что китайское правительство хотело относиться к нему почти так же, как в 1805 году к графу Головкину. Последний же, едва доехав до Урги⁸, был так утомлен назойливой подозрительностью и надменностью китайцев, что счел необходимым вернуться в Россию.

В Иркутске, как это ни может показаться странным, неуспехом путятинского посольства были довольны. Тамошнее общество, все почти составленное из лиц, так или иначе принимавших участие в деле фактического присоединения Амура, не скрывало, что поручение, полученное графом Путятиным, заключить с Китаем формальный договор, который бы увенчал великое предприятие, отчасти им же дискредитируемое, было как бы обидою для местных деятелей, вложивших в него всю душу, понесших множество трудов и лишений и выдержавших за Амур борьбу в Петербурге едва ли не более тяжелую, чем самая борьба с дикою природою амурской страны. Известие о расстройстве путешествия посла через Монголию вернуло всем хорошее расположение духа; каждый думал: ну, теперь мы сами славно кончим то, что так славно нами же начато, вопреки дипломатам вроде графа Нессельроде⁹, бывшего, в 1854 году, при решении амурского вопроса в принципе, министром иностранных дел и, во главе значительной партии сановников, противившегося воссоединению Амура, даже требовавшего разжалования в матросы капитана Невельского¹⁰ за самовольное основание им русского поста близ амурского устья.

Когда 5 мая, вместе с другими лицами, я представлялся вернувшемуся в Иркутск Муравьеву, он спросил меня:

– Чем вы занимаетесь теперь?

Я отвечал, что составлением карты Маньчжурии для вас и для графа Путятина.

– Карты Маньчжурии! Ну, так вот вы со мною и поедете в Маньчжурию через десять дней. Надеюсь, что к тому времени вы успеете кончить эту работу; она нам очень нужна.

– Буду стараться, только, может быть, она не будет довольно подробна, потому что нанесение деталей требует много времени.

– Ну, это ничего. Так вы готовьтесь к отъезду.

Лучшего поощрения к работе нельзя было бы сделать. Мечта моя быть на Амуре, представлявшем в то время крупный политический интерес, сбывалась. Я не выходил почти из

⁶ Кяхта, тогда торговая слободка, находившаяся в трех километрах от окружного центра – города Троицкосавска, – единственный пункт торговли русских с Китаем до 1858 года. Против Кяхты располагался китайский пограничный торговый пункт Маймачен.

⁷ А нужно заметить, что мы, с своей стороны, делали все, чтобы показать китайцам особую исключительную важность посла. Для этой цели, например, в Троицкосавске, по приказанию генерал-губернатора, музыка местного линейного батальона ежедневно, в известные часы, играла перед окнами «высокой особы из Петербурга», что, конечно, приводило в истерическое раздражение г. посла, но зато внушало маймаченским китайцам понятие о нем как о самом высоком сановнике, достойном богдыхана.

⁸ Урга – прежнее название города Улан-Батора, ныне столицы Монгольской Народной Республики.

⁹ Нессельроде К В. (1780–1862) – царский министр иностранных дел с 1816 по 1856 год, поддерживал европейскую реакцию, ярый противник воссоединения Приамурья с Россией.

¹⁰ Невельской Г. И. (1813–1876) – адмирал, знаменитый русский географ, исследователь Дальнего Востока, открывший устье Амура и установивший островное положение Сахалина. Один из главных инициаторов решения амурского вопроса.

чертежной во все остальное время до отъезда. Карта была готова, и первый экземпляр ее генерал-губернатор приказал отправить к послу. Моя «исполнительность» понравилась... однако не всем. Ближайший мой начальник, подполковник Будогосский, которому самому хотелось быть в свите генерала, и даже за старшего, выказывая мне любезность как будущему правителю генерал-губернаторской канцелярии на целые 3–4 месяца, не упускал уже и тогда вставлять мне по временам шпильки, позволяя себе, например, с фамильярностью, вовсе не оправдываемую нашим недавним знакомством, называть меня иронически «начальником штаба, статс-секретарем» и т. п., и тут же прибавлял, что оставивший незадолго перед тем Иркутск Генерального штаба полковник Заборинский был в подобных же обстоятельствах, то есть «сначала полез в гору, обходя старших, но потом сломал себе шею». Намеки эти тем более смущали меня, что Будогосский в то же время не раз высказывал при мне крайнее свое нерасположение к нашему общему начальству, Буссе, и старался вовлечь меня в интриги против него. Я предчувствовал, что рано или поздно попаду между двух огней; но так как никто не только в штабе, но и в главном гражданском управлении Восточной Сибири не смел пикнуть против моего назначения на Амур единственным делопроизводителем генерал-губернатора, – потому что гласно высказанное Муравьевым слово было законом, – то я надеялся как-нибудь избежать, при помощи последнего, Харибды и Сциллы, несмотря даже на свою неопытность в штабном лавировании.

18 мая мы переехали Байкал. Погода была великолепная, и хозяин парохода Безносиков принял все меры, чтобы путешествие наше по озеру обратить в самую приятную прогулку. Здесь впервые я увидел, как генерал-губернатор популярен в стране. Пассажиры на пароходе нисколько не стеснялись его присутствием; он любезно разговаривал, и ни один при этом не держался навтыяжку, не унижался до лести или до каких-нибудь изысканных и двусмысленных оборотов речи, на которые у нас столько мастеров, особенно когда можно, под прикрытием двусмысленной речи, сделать донос, пустить клеюзу и т. п. Впрочем, такие подходы были и неудобны с Николаем Николаевичем. Он немедленно потребовал бы перевода их на обыкновенный язык. На пароходе между другими находился старичок, одетый в ватный суконный казакин с меховой оторочкою, в высокие сапоги, в которые были опущены панталоны, и в теплый плюшевый картуз с ушами... Я принял его сначала за какого-нибудь купеческого приказчика низшего разряда. Но вот генерал-губернатор, увидев его, громко сказал: «Здравствуйте, Иван Иванович!» – и дружески пожал ему руку, а потом вступил в разговор, при котором кроткая физиономия старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали.

– Кто это такой? – спросил я у одного из спутников.

– А Горбачевский, один из «перворазрядных» декабристов. Он был в Иркутске, а теперь едет к себе в Петровский завод, откуда не пожелал возвращаться, по силе амнистии, в Россию.

Впоследствии я имел случай несколько ближе узнать И. И. Горбачевского, встретясь с ним у начальника Петровского завода капитана Дубровина. Это была чудная, светлая личность, высокой нравственной мощи, несмотря на тихий нрав. В его присутствии люди не смели лгать, хотя он даже не выражал словами неодобрение лжецу. И мне говорили, что то же чародейное влияние производили некоторые другие из декабристов, даже не в Сибири, где их долго знали и им поклонялись, а в Москве, Чернигове, кажется, даже в самом Петербурге.

Здесь кстати вспомнить следующий рассказ о декабристах, слышанный мною потом от самого Николая Николаевича и имеющий право на место в истории. Н. Н. Муравьев был назначен генерал-губернатором в Восточную Сибирь в 1848 году, стало быть, в самый разгар реакции против всего либерального. Тотчас по приезде в Иркутск он обратил внимание на судьбу политических ссыльных, из которых многие отбыли уже сроки наказания и проживали по городам и селам Иркутской и Енисейской губерний и Забайкалья – в звании поселщиков. Восстановление их гражданских прав было подвинуто; но они все-таки не могли оставлять мест жительства. Это тяжелое лишение новый генерал-губернатор захотел вознаградить возвышением общественного положения ссыльных: он открыл им двери своего дома и посещал неко-

торых из них лично. Это до такой степени скандализировало «благонамеренную» подъяческую среду в Иркутске, что местный губернатор Пятницкий послал к министру внутренних дел донос, причем, конечно, думал, что, «вот, мол, новый генерал-губернатор, который тем временем успел уже очень не по шерсти погладить иркутских взяточников-чиновников¹¹ сломит себе рога». Но что же случилось? Месяца через два после доноса получена Пятницким бумага, адресованная к нему уже не как к губернатору, а как к частному лицу. «Государь-император, – писал министр внутренних дел Л. А. Перовский, – по докладу его величеству содержания рапорта вашего о действиях, по отношению к политическим ссыльным, непосредственного начальника вашего, генерал-губернатора Восточной Сибири, высочайше повелеть соизволил: уволить вас вовсе со службы». А про действия Н. Н. Муравьева покойный император отозвался Бенкендорфу¹²: «Вот, наконец, нашелся человек, который понял меня, понял, что я не ищу личной мести этим людям и, удалив преступников отсюда, вовсе не хочу отравлять их участь там»¹³.

Поздно вечером мы переехали, по разливу Селенги, в деревню Степную и оттуда понеслись на почтовых в Верхнеудинск, где пробыли часа четыре в доме любимца генерал-губернатора – купца Курбатова, владельца чуть ли не единственных в то время в Забайкалье стеклянного завода и мельницы-крупчатки. Число нас было невелико: Николай Николаевич, я и переводчик маньчжурского языка, тогда еще очень молодой человек, Я. П. Шишмарев, впоследствии наш консул в Урге. Это было и все «путевое управление» Восточной Сибири и будущего Амурского края, то есть стран, в совокупности превосходящих всю Европу. Н. Н. Муравьев был враг канцелярского многописания, за которым, как он хорошо знал, обыкновенно скрывается или недобросовестность, или бездеятельность. За все время моего состояния при нем в должности как бы управляющего канцелярией мною было написано всего 102 бумаги, считая тут даже приказы по войскам и нумерованную переписку с некоторыми лицами в Иркутске и Петербурге. Когда я потом был в Ставрополе и увидел, что тамошний штаб, руководивший ходом завоевания Закубанья, выпускал в год более двадцати тысяч бумаг, тогда не осталось во мне сомнения, что действительно, чем более чиновники пишут (всегда, разумеется, лишь для очистки себя от канцелярской ответственности), тем более зла для государства и для самого дела, к которому бумаги относятся. Я понял также, почему деловой генерал Безак отказывал в подписи бумагам более чем в один лист объемом: в бумагах коротких трудно найти место для изворотов и приходится, волею-неволею, говорить только о деле и дело.

После недолгой остановки у Курбатова, во время которой генерал-губернатора посетил архимандрит Петр, знавший китайский язык и одно время предполагавшийся в переводчики, кажется, для посла, мы отправились далее. По-прежнему в одном тарантасе ехали Николай

¹¹ Одному из советников Главного управления Муравьев, на первых же порах, бросил в лицо его доклад, направленный по корыстным расчетам в неправую сторону, и приказал «убираться вон».

¹² Бенкендорф А. Х. (1783–1844) – один из реакционнейших министров Николая I, шеф жандармов, организатор и начальник Третьего отделения.

¹³ Так говорил мне сам Муравьев; но не смешал ли он тут Бенкендорфа с Перовским или Орловым, – не могу сказать. Кажется, что Бенкендорфа в 1848–1849 годах уже не было у дел. Впрочем, сущность дела от этого не изменяется и мнение Николая I о декабристах остается в своей силе. Не ему ли они обязаны тем, что к ним в Читту был назначен комендантом Лепарский, которого сами они и члены их семей хвалят? В таком случае это любопытный психологический факт: с одной стороны, виселицы и разные свирепости против побежденных врагов, с другой – уважение к личностям их, поблажки*. Впрочем, вся человеческая жизнь обыкновенно слагается из подобных противоречий... Не нужно еще забывать и того, что Муравьев был почитателем Николая именно как нравственного лица, у которого будто бы за жесткими формами скрывалось доброе сердце.* Николай I (1796–1855) – российский император и отъявленный крепостник, душитель революционного движения, отличался исключительным лицемерием. Вот его резолюция по поводу одного солдатского дела: «В России, слава богу, нет смертной казни – дать ему 12 тысяч палок». В данном случае М. И. Венюков принял лицемерие за подлинную монету. Отношение же автора к Николаю I было совершенно ясное, как к душителю свободной мысли, как к «венчанному вахмистру» («Из воспоминаний», книга первая, стр. 74).

Николаевич со мною, а в другом, нагруженном провизиею на все время нашего пребывания на Амуре, – Шишмарев.

Мы скакали день и ночь и делали около 300 верст в сутки, благодаря состоянию дорог в Забайкалье, тогда гораздо более удовлетворительному, чем, например, в 1868 году, когда я видел их снова. Для ускорения переезда мы даже не пообедали между Верхнеудинском и Читой (428 верст), а только пили чай и закусывали по-сибирски жареными рябчиками¹⁴. Когда подавался самовар, то камердинер генерал-губернатора, приготовлявший чай, должен был одновременно со стаканами для нас троих наливать и для себя с поваром, чтобы церемония чаепития этих почтенных особ «после господ» не отнимала времени. И замечу, что то же правило соблюдалось Муравьевым постоянно в его путешествиях, а их было немало. По приблизительному соображению, за время своего генерал-губернаторства в Сибири он изъездил, по делам службы, 120 000 верст, то есть как бы сделал $3\frac{1}{3}$ путешествия вокруг света, в том числе многие сотни верст верхом на тракте между Якутском и Аяном и многие тысячи на лодках по Амуре. Некоторые из его ближайших сотрудников, особенно адъютантов, делали разъезды в сумме еще более длинные, как, например, Корсаков, над которым смеялись, что он свое атаманство в Забайкалье не выслужил, а выездил. В Петербурге критиковали эту курьероманию; но, по всей справедливости, она была необходима, даже неизбежна. Расстояния в Сибири огромны, передача распоряжений по почте медленна, потому что почта делает 200 верст в сутки, а курьер 300, да и ходит почта во многие места раз в неделю или в месяц, или даже в полгода; телеграфов же, которые в то время плотною сетью растягивались уже по всей Европе, не было на восток не только от Урала, но и от Москвы до 1860-х годов.

Мы приехали в Читу около полудня и остановились в доме губернатора, которого, впрочем, не было налицо. Узнав, что посланник со всею свитою тоже в Чите, Николай Николаевич попросил меня сходить к нему и пригласить на обед. Я исполнил эту миссию и получил согласие графа, хотя у него самого стол был накрыт и он сначала отвечал мне убедительнейшим контрприглашением. Вероятно, отправляя меня к графу Путятину, Николай Николаевич не знал, что в доме Михаила Семеновича Корсакова обеда для нас не готовили, и потому вышла презабавная история. Нашему походному повару пришлось впопыхах готовить походный обед из консервов и подавать его на походном жестяном сервизе. Посол с аккуратностью дипломата пришел в назначенный час, мы сели за стол и – о ужас! – с первого же раза увидели, что походные блюда далеки от идеала кулинарного искусства. Суп с перцем, не довольно разведенный водою, до такой степени жег внутренность рта, что я лишь из приличия съел его три ложки, причем потерял чувство вкуса с лишком на сутки. Адмирал-посланник оказался выносливее, быть может потому, что моряки привыкают к разным крепким приправам, необходимым им от цинги; но я думаю, что и он нашел наш обед несколько спартанским... По счастью, он с третьим блюдом окончился.

Я нарочно рассказал этот простой случай, потому что были люди, которые им воспользовались для целей... вероятно, высшей политики. Перечный обед, с добавлением к нему, впоследствии, гнилых будто бы страсбургских пирогов, стал легендой и комментарием отношений между двумя «дворами» – генерал-губернаторским и посланническим¹⁵. Я знал потом лично большую часть посланнической свиты; это все были приличные люди: архимандрит Аввакум, барон О. Р. Остен-Сакен, А. М. Пещуров и пр.; но в то время мы были в дипломатической

¹⁴ Впрочем, на одной станции, под Читой, содержатель ее, еврей Шмьйлович, угостил нас шампанским.

¹⁵ Не все члены последнего знали, однако же, о свойствах обеда; например, барон Остен-Сакен, тогда юноша лет 20-ти, ничего не слышал о перце до 1878 года, как удостоверил меня в том письменно. Зато были господа, говорившие еще в 1857 году на Амуре, что «генерал-губернатор кормит посланника и его свиту дрянью, которую бы следовало выбросить в воду, как, например, заплесневевшими страсбургскими паштетами и гнилыми консервами». И музыку, которая играла в Кяхте под окнами посла, для отдания ему почета перед глазами китайцев, считали сибирским маневром, чтобы надосадить графу Путятину и выжить его из Сибири.

войне, при которой молчаливо подразумевалось, что компромисс невозможен. На мою долю иногда выпадала пренеблагодарная роль заменять собою жир, которым смазывают зубчатые колеса, чтобы машина шла успешнее, не скрипела, и я откровенно сознаюсь, что не умел ее выполнять. Самые, по-видимому, невинные обстоятельства, например посылка в Горбице на посланнические катера большой рыбы, только что пойманной в Шилке, перетолковывались вкривь и вкось... Я начинал понимать тогда, что значит воевать за присоединение Амура не против китайцев, а против своих.

Но оставлю эту печальную сторону великого дела. *Errare humanum est*¹⁶, и притом перечные отношения между отдельными лицами не помешали успеху общего им патриотического дела... На другой день после нашего приезда в Читу граф Путятин отправился с утра вниз по Ингоде¹⁷ на лодках, и мы уже не думали много о нем. Николай Николаевич воспользовался этим утром, до полудня, чтобы побеседовать с читинскими чиновниками о местных нуждах. Чита как областной город тогда почти только возникала. Казенных построек было начато множество, и далеко не все были кончены. Это послужило поводом к долгому разговору с архитекторами и инженерами. Помню, одного из их генерал-губернатор убеждал быть как можно экономнее и особенно не прятаться за урочное положение о работах. «Положение это, – громко сказал он, – сочинено графом Клейнмихелем¹⁸, чтобы обкрадывать государство, и честные лица должны не заглядывать в него» Таких резких отзывов о великих и сильных земли¹⁹ мне дотоле не приходилось слышать из уст других великих и сильных, и я в душе порадовался, что служу под начальством человека, не стесняющегося громко говорить такую правду, о которой было принято повсеместно молчать или говорить втихомолку. Прежде я слышал о правдивой резкости князя А. А. Суворова²⁰, но только слышал, а сам свидетелем не был.

Отпустив чиновников и пообедав, на этот раз кушаньями из свежих припасов, мы снова двинулись в путь. За Читую уже становились заметны приготовления к экспедиции на Амур. По Ингоде сплавливались плоты, мелкие лодки и баркасы; иногда приходилось слышать, что из таких-то селений идет на переселение столько-то дворов; в других местах толковали о сплаве вниз по Шилке и Амуру целых домов, чтобы иметь в новом краю возможно скорее готовые помещения; по дороге тянулись небольшие обозы с товарами и кладью, тоже назначенными на Амур. В одном месте генерал-губернатор пожелал заехать к знакомому казаку, уже бывшему на Амуре и оказавшему там некоторые личные услуги ему, Муравьеву. Вся семья встретила нас у входа в дом, почтительно, но без унижения кланяясь; при этом служащий ее член был в мундире, но старики – попросту в халатах, столь любезных сердцу забайкальца и вообще сибиряка. Был приготовлен самими хозяевами (простыми казаками, а не офицерами) чай с разными сибирскими снадобьями, неказистыми, но очень вкусными. Николай Николаевич расспрашивал о толках, которые шли в народе относительно переселения на Амур, и не трудно было заметить, что, несмотря на тягость этого переселения, оно популярно между казаками, особенно хвалившими равнины близ Буреи, которые казались им раем в сравнении с даурским нагорьем. Когда маленькая хозяйская дочь, ребенок по третьему году, получила от генерал-губернатора «за угощение» целую пригоршню гривенников и пятиалтынных, совершенно новеньких, то счастью семьи, по-видимому, не было конца. В крае, управляемом единоличной

¹⁶ *Errare humanum est* (латинск.) – человеку свойственно заблуждаться.

¹⁷ Ингода, река Амурского бассейна, – один из истоков реки Шилки.

¹⁸ Клейнмихель П. А. (1793–1869) – главноуправляющий, а затем министр путей сообщения, «прославился» казнокрадством, чрезвычайной расточительностью и бесчеловечным обращением с рабочими.

¹⁹ Правда, Клейнмихель в это время уже не был министром путей сообщения, но он продолжал состоять членом Государственного совета.

²⁰ Суворов А. А. (1804–1882) – внук великого русского полководца, генерал-губернатор Прибалтийского края, а затем петербургский военный генерал-губернатор.

сильной властью, подобные посещения простолюдинов носителем этой власти, мне кажется, имеют большой *raison d'Être*²¹ и приносят иногда существенную пользу.

В тот же день и даже после этого несколько идиллического эпизода мне пришлось быть впервые свидетелем и небольшой административной грозы. При перемене лошадей в Нерчинске генерал-губернатор заметил, что как они, так и сбруя очень плохи. Он приказал поэтому посадить почтодержателя на гауптвахту... Конечно, последний, по наружности, был неправ; от него, по контракту с почтовым начальством, требовались лошади, хомуты, шлеи, вожжи и пр. исправные; но как-то сам собою представлялся вопрос: отчего же именно в городе, то есть в месте, где живут почтовые власти, станция хуже, чем в соседних селениях? Не была ли причиною исхудания лошадей и сбруи именно эта близость начальств, слишком внимательных к доходам местного клиента или разъезжавших на его лошадях по своим частным делам? Вся Восточная Сибирь знала, что именно по этой причине существовали постоянные беспорядки на почтовой станции в другом уездном городе, Ачинске, где станционная жалобная книга была исписана от начала до конца жалобами на почтосодержателя, вечно остававшимся, по приговору почтмейстера, без всяких последствий. Относительно Нерчинска я впоследствии узнал то же самое; но так как и прежде меня проезжали через этот город сотни читинских и иркутских чиновников, то, казалось бы, дело не могло оставаться в безызвестности с давнего времени. А потому арестование какого-то безвестного мещанина мне показалось совершенно неюридическим и даже противным основному правилу взысканий административных, дисциплинарных, по которому высший начальник всегда должен взыскивать не с младшего из подчиненных, а с ближайшего к себе в иерархическом порядке. Замечу здесь кстати, что корыстолюбие нерчинского почтмейстера стало, наконец, в 1858 году известно генерал-губернатору, и не по тайным сделкам его с содержателями станций, а по явному и наглому вымогательству с людей, вовсе ему не подведомственных. Именно: Нерчинская почтовая контора была в то время крайнею к стороне Амура, где принимались посылки, привозимые, например, из Николаевска, который еще был *porto-franco*²². Пользуясь этим, догадливый почтмейстер стал требовать, например, от отправителей манильских сигар, чтобы они в Нерчинске на почте уплачивали ввозные пошлины по какому-то им установленному тарифу. Один из чиновников особых поручений при генерал-губернаторе узнал об этом от самого отправителя сигар, г. Кондинского, и доложил. «Что же мне делать с ним? – отвечал Н. Н. Муравьев, – разве велеть городничему по ошибке в потемках высечь²³ негодя?.. Ведь вы знаете, что почтовое ведомство у нас *status in statu*²⁴. Я не имею никакой власти остановить какое-либо зло, делаемое почтовым чиновником в его конторе. Мало того: я сам делаю в Иркутске визиты губернаторскому почтмейстеру собственно для того, чтобы он моих писем не читал и не задерживал». Признание знаменательное, и которое хотя отчасти объяснило мне, почему за беспорядки на Нерчинской станции был арестован не почтмейстер, а почтосодержатель.

В Бянкине, следующей станции за Нерчинском, мы сели на катера и лодки, нарочно для нас приготовленные, и начали таким образом наше путешествие водою, которое должно было длиться несколько дней. Но, впрочем, не Бянкино и не следующий за ним Сретенск, на Шилке же, служили местом отправления экспедиции. Шилка тут хотя и имеет уже много воды, но довольно неудобна для судоходства по причине быстрин и перекатов. Только очень небольшие

²¹ *Raison d'Être* (французск.) – разумное основание, смысл.

²² *Porto-franco* (итальянск.) – порт или приморская область, пользующиеся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

²³ Примеры подобных пороков чиновников бывали в Восточной Сибири. В Кяхте генерал-губернаторский чиновник особых поручений Сычевский высек полицмейстера, явившегося на пожар пьяным. В самом Нерчинске один городничий высек исправника на могиле своей жены, чести которой исправник позволил себе неосторожно коснуться. По последнему делу было следствие, которое, кажется, нашло, что порка была произведена «по ошибке, в потемках». Пьяный исправник был-де принят за бродягу или вора, скрывавшегося на кладбище.

²⁴ *Status in statu* (латинск.) – государство в государстве.

плоскостонные суда могут плавать по ней, особенно в малую воду. Вот почему уже с 1854 года точкою отправления амурских сплавов служил Шилкинский завод, верстах в 80-ти ниже Сре-тенска. Туда, наконец, мы и прибыли, чтобы дать последний толчок предположенному на этот год делу. В заводе – длинном селении, в котором, собственно, горнозаводская деятельность уже не существовала, – устроена была верфь для судов, составлялись и нагружались плоты, строились барки и даже в 1854 году были выстроены два парохода – «Аргунь» и «Шилка». Подготовлением всей экспедиции 1857 года занимался лично военный губернатор Забайка-ля Корсаков, а начальниками сплавов или эшелонов были назначены: военного, следовавшего впереди, – майор Языков, командир одного из двух батальонов, составлявших весь экспедици-онный отряд, а гражданского, следовавшего сзади и составленного из разного рода казенных грузов, – полковник Ушаков, почтенная личность, честная, но несколько слабая, так что, бла-годаря ему, в ходе экспедиции обнаружались потом некоторые замедления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.